

Е.А. Самарская

Наука как потенциал социализма: А.А.Богданов

Богданов – крупная и оригинальная фигура в истории русского и мирового социализма, он по многим вопросам находился в оппозиции к социализму учеников Маркса и к нему самому. Последний выдвинул идею о том, что общественное бытие определяется состоянием производства. И хотя производство берется им как определенный элемент исторического процесса, подход Маркса к нему является односторонним. Оно рассматривается в социальном аспекте, т. е. как сила, определяющая характер собственности и через нее воздействующую на классовую борьбу. Но производство, особенно в наше время, влияет на общество не только через отношения собственности, а также своей научно-технической стороной. Между тем социалистическое движение, сформировавшееся к середине XIX в. в Европе, шло в массе своей по пути Маркса, мышление социалистов имело следующие опорные пункты: производство – отношения собственности – классовая борьба – пролетарский социализм. Техника и технические науки скорее оценивались как нейтральная сфера общественной жизни, могущая служить и социализму, и капитализму. Недаром Маркс указал на необходимость высокотехнологичного производства как на базис социализма – производства, формирующегося, однако, в условиях капитализма.

Последователи Маркса считали уровень крупного машинного производства, сложившийся в Европе к середине и концу XIX в., вполне готовым для социализма. Да и сам Маркс в пятидесятые годы этого века писал, что уровень производства в Англии достаточен для социалистической революции. Ленин в 1917 г. счел

Россию готовой для нее, оговаривая, правда, что свою материально-производственную базу социализм может создать после революции, ориентируясь на опыт более развитых в производственном отношении европейских стран. Вся эта установка насчет нейтральности материально-производственной базы, могущей служить как капитализму, так и социализму, базировалась на гипертрофии значения собственности в марксистском социализме. Поэтому у социалистов смена собственности от частной крупнокапиталистической к общественной социалистической оказывалась основным содержанием и целью социалистической революции.

Правда, в экономических текстах Маркса можно найти скрупулезный анализ технологического развития производства, он касается ремесленного труда, мануфактурного периода в производстве и далее машинного производства, когда формируется квалифицированный рабочий, главная классовая база социализма. Маркса интересовала эволюция работника от индивидуального труда ремесленника к специализированному («частичному») труду мануфактурных рабочих и, наконец, к труду рабочего при машине, которого отличала уже определенная техническая грамотность и коллективизм. На него Маркс и возложил задачу осуществления социалистической революции. На этом заканчивается интерес социалистов марксистской традиции к материально-технической стороне эволюции производства и труда.

Однако среди социалистов и XIX, и XX вв. были фигуры и целые направления (группы), которые придавали большее значение научно-техническим и производственным процессам в движении к социализму (А. де Сен-Симон, П.-Ж. Прудон, Ж.Сорель и др.). К ним принадлежал и Богданов. Задачу своей статьи автор видит в том, чтобы выяснить различия между Богдановым и ортодоксальными марксистами по вопросу «техника и социализм».

Интерес Богданова к философским вопросам производства и техники вел его одновременно и к высокой оценке марксистских теорий, и к их критике. В «Философии живого опыта» он высоко оценил активизм марксистского мировоззрения и одновременно претендовал на то, что в своем «эмпириомонизме» он существенно развил марксистский активизм, преодолев его ошибки. В этой связи он резко критиковал и К.Маркса с Ф.Энгельсом, и В.И.Ленина с Г.В.Плехановым¹. Прежде всего его критика относилась к опре-

делению марксистской философии как «материалистической». Он недоумевал, почему Маркс согласился на это, тогда как он сам в «Тезисах о Фейербахе» характеризовал материализм как созерцательное мировоззрение. И Богданов делал вывод, что термин «материализм» в применении к их мировоззрению употреблен классиками марксизма условно, что они при этом имели в виду не идею приоритета «материи», а «отрицание первичности идей в общественной жизни»². Основа мировоззрения Маркса – социально-философская теория, в которой утверждается приоритет производственной жизни в развитии общества. Отталкиваясь от этой идеи, сам Богданов иначе, чем марксисты, решал вопрос о соотношении природного и идеального, физического и психического в человеческом опыте. В «Эмпириомонизме» он определял физические явления как «общезначимые», а психические относил к индивидуальному опыту. С этой точки зрения, «объективные» (физические) явления даны нам как элементы «социально-согласованного» или «социально-организованного» опыта человечества. Тут мы видим, что объектом размышлений Богданова выступают не просто социально-исторические факты, производство, как у Маркса, в опыте человечества нам явлен также мир природных процессов, в социальный опыт Богданов втискивает мир природы, насколько он воспринимается людьми. Социальный опыт – это активность, динамизм, он постоянно делается и переделывается, он не знает ничего абсолютно устойчивого. На этом пути Богданов снова сталкивается с диалектическими материалистами, прежде всего с Плехановым и Лениным. Первый доказывал нелепость отождествления объективного и «общезначимого», писал, что-де, если люди когда-то верили в «леших», это не значит, что они объективно существовали. Богданов парирует: да, лешие объективно существовали, когда люди верили в них. Плеханов стремится к абсолютной истине: лешие либо существуют, либо нет. Богданов настаивает на относительной истине: «Он (леший) существовал как живая сумма природных условий леса и неразрывных с ними человеческих настроений; существовал как неустранимый из народного сознания образ политеистического, “многобожного” мировоззрения. Он существовал социально-практически, как все существует для нас, – лишь относительно, а не абсолютно»³. Те же идеи об относительности истины Богданов противопоставлял

Ленину, той трактовке истины, которую тот дал в «Материализме и эмпириокритицизме». Там Ленин утверждал, что объективная истина хотя и относительна, но содержит зерна абсолютной. В противовес ему Богданов доказывал, что в относительной истине не может быть ничего абсолютного, что признание абсолютной истины сближает позицию Ленина (В.Ильина) с религиозной верой⁴. Из сказанного следует, что объективная истина не абсолютна, она имеет социально-практическое происхождение: что объективно для одного времени, то не является таковым для другого.

Мысль о включенности явлений природы в человеческий опыт, о явленности природы человеку через социально организованный опыт Богданов развивал в своем «Эмпириомонизме», особенно в связи с принципом «социоморфизма». Последний означает, что познавательные схемы опыта создаются по образцу человеческих действий. На целом ряде научных и философских схем можно видеть, «как мышление берет свои приемы из той же общественной практики»⁵. Идея переноса объяснительных схем с явлений социального ряда на природные и т. д. дает «стройную, непрерывно целостную картину мира, свободную от познавательных скачков и противоречий»⁶. Так мы получаем единство опыта, его физических и психических, природных и идеальных систем.

И снова Богданов обращается к критике взглядов представителей диалектического материализма, имея при этом в виду Ф.Энгельса, Г.В.Плеханова, В.Ильина и др. Они-де представляли человека пассивным объектом, на который извне воздействуют материальные силы и отпечатывают в его сознании ощущения, представления, служащие основой дальнейшего процесса человеческого знания. Богданов утверждает, что их философия (диалектический материализм) – «это прямая противоположность социально-исторической теории Маркса, где исходным пунктом служит производство, труд, человеческая активность»⁷. Если эти авторы называют себя марксистами, уличает он их, то это объясняется незаконченностью их воззрений, их непоследовательностью: «Они не пытаются установить внутреннюю связь их общеполитических взглядов с общественно-историческими, а довольствуются внешней связью, обозначением тех и других посредством одного и того же слова “материализм”, которое, однако, имеет здесь два совершенно различных смысла»⁸. Тем самым Богданов оказался,

пожалуй, первым, кто открыл тему принципиального различия философии Маркса и его последователей из числа диалектических материалистов, ставшую затем в 50-е гг. XX в. любимой темой западных неортодоксальных марксистов.

Можно было бы возразить Богданову, что критикуемые им ортодоксальные марксисты были все же философами активистского направления, поскольку они придерживались идеи диалектики, развития природы и общества путем борьбы противоположных друг другу сил. У Богданова есть ответ на это: они (диалектические материалисты) «не выяснили и не объяснили самой диалектики»⁹. Идея диалектики сформировалась в Новое время у Гегеля, ее матрицей послужил идеологический процесс обсуждения, «который возникает из встречи взаимно противоречащих мнений, а завершается устранением противоречия, его “примирением” на основе выводов самого спора, новым шагом в объединении опыта обеих сторон»¹⁰. Такова диалектика в идеологии (речь, мышление, нормы), за пределами последней она неприменима и должна выглядеть здесь иначе, рассматриваться как «организованный процесс, идущий через борьбу противоположностей»¹¹. Такая форма диалектики целиком подходит для живой (он ее называет организованной) природы. Для неживой природы, если считать ее областью «низших типов и ступеней» организации, диалектика тоже организационный процесс, который развивается от первичного равновесия к его нарушению под действием внешних сил и к новому равновесию. За эту теорию диалектики как движения от равновесия к новому равновесию Богданова в советское время долго обвиняли в вульгарном примитивизме и механицизме, но она, будучи им ориентирована на неживую природу, более аутентична ей, чем, например, трактовка Энгельсом диалектики в природе. Исходя из марксистско-гегелевской диалектики отрицательности (имманентных противоположностей нечто и ничто, одного и другого, единого и множественного), приспособленных к идеологической сфере, Энгельс, например, так объяснял движение материальных тел: тело находится в этой точке и уже не находится в ней. Богдановское объяснение диалектики движения имеет более здравый смысл. Движение у него предстает как борьба двух сил – движущегося тела и сопротивления среды, движение продолжается, пока длится это столкновение.

В богдановском определении диалектики главная роль принадлежит понятию «организационный процесс», в нем сконцентрирован активизм богдановского миропонимания. Здесь важны два момента: первый содержит указание на то, что организационный процесс охватывает единство природных и социально-исторических явлений, тут главное их слитость, тогда как марксистское понятие развития может быть отнесено отдельно к природе неорганической, органической и к социальной сфере. Слово «организация» относится к всечеловеческому опыту, имеется в виду «организация опыта». Второй момент вытекает из первого: организация – процесс непрестанно движущийся. В этой связи Богданов проводил различие между своей точкой зрения и эмпириокритической. Представители последней считали, что элементы опыта даны людям готовыми, они не имеют текучего характера и не являются активно-практическими. Богдановская точка зрения иная: элементы опыта выделились на основе трудовых усилий, в практике людей и на ее основе потребностей. В этом ядро активизма Богданова. Он считал, что до такого активизма не дошли ни Гегель, ни даже Маркс. Первый выразил активизм лишь в ограниченной форме в силу своего индивидуализма, поскольку он держался в сфере духа, и идеализма: ведь не индивидуум, а коллектив изменяет природу, и не мышление, а «труд есть полная, реальная активность»¹². И Маркс тоже не поднялся до организационной точки зрения, хотя и Гегель, и он сам прокладывали ей путь.

Характерное исключение Богданов делает для И.Дицгена. Он-де более решительно, чем Маркс, «выдвинул мысль о зависимости форм познания от социального бытия – именно признал, что мышление *происходит* из трудового процесса и что новый трудовой класс – пролетариат – должен выработать для себя новую *логику*, то есть самые основы мышления»¹³. Эту новую точку зрения развивает, пишет Богданов, его эмпириомонизм, в нем диалектика как теория развития путем борьбы противоположностей не считается универсальным методом объяснения явлений, а рассматривается как «частный случай» среди организационных процессов.

Весь мир представлялся Богданову «бесконечным потоком организующихся активностей». При этом организационные процессы не имеют какой-то единой цели, как у Гегеля (абсолютная идея) или у Маркса (коммунизм), у Богданова они выстраиваются

непрерывным рядом в человеческом опыте, каждая активность преследует цели самосохранения и развития, подчиняется принципу «естественного подбора». Он прослеживает поток активностей, начиная от электрических и световых волн (первичный хаос) к материи, которая организована лишь в примитивной степени (ее организованность сводится к сопротивлению внешним воздействиям), и далее к высшей форме организации во вселенной, каковой является жизнь, наконец, наверху лестницы активностей находится многомиллионный человеческий коллектив. Богданов пишет в этой связи: «Такова наша картина мира: непрерывный ряд форм организации элементов, форм, развившихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом, без конца в будущем»¹⁴. Сказанное объясняет его стремление к установлению единства человеческого опыта, которое могут осуществить не специализированные науки, а всеобщая организационная наука. Такое всеобъемлющее знание не может быть уподоблено поиску единой формулы бытия и, более того, абсолютного единообразия, как представляет дело Гусев С.С. в «Послесловии» к книге «Русский позитивизм. Лесевич, Юшкевич, Богданов» (СПб., 1995). Автор послесловия относит Богданова к утопистам, мечтавшим о «единообразии», «единомыслии», что-де реализовалось в советской идеологии и привело к плачевным результатам. На деле нельзя проводить знак равенства между теорией Богданова и советской идеологической практикой. В статье «Законы новой совести» (1924), говоря о морально-нравственных нормах пролетариата, Богданов на первое место поставил формулу: «Не должно быть стадности, – а чуть ниже написал, – Не должно быть рабства», под чем он имел в виду проявления авторитарности при взаимодействии членов коллектива между собой и со своим лидером¹⁵. В «Падении великого фетишизма» Богданов особо предостерегал от опасности авторитарного мышления в среде пролетариев, которое привносят в нее интеллигенты, специализирующиеся на идеологической работе. Они сами становятся «авторитетами» в рабочих кружках и воспитывают у их членов такое же отношение к Марксу, апеллируя к его текстам как к последней истине. Сам Богданов всегда настаивал на относительности любых идей, заявленное в его эмпириомонизме единство живого опыта следует понимать не как догму и требование единомыслия, а как един-

ство организации физических и психических комплексов. Причем конкретное содержание опыта бесконечно, не имеет ни начала, ни конца.

Высказывание о Дицгене в лаконичной форме представляет основную мысль Богданова: познание вообще, всевозможные мыслительные формы являются продуктом социально-трудовой деятельности. В «Падении великого фетишизма» он дает исторический анализ изменения социально-трудовой деятельности и возникающих на этой основе форм идеологий, к которым он, помимо наук, форм познания, причислял еще речь и нормы (нравственность, право). Он исходил из мысли, что на примере первобытных обществ можно видеть возникновение речи и мышления из труда. Наверняка все это выглядит не так однозначно, но нас интересуют здесь не неточности Богданова, а оригинальность и своеобразие его мысли. Итак, следуя своей концепции, он начинает исторический анализ с момента, когда первобытная общность, в которой еще не было дифференциации социальных ролей, начинает рушиться и постепенно исчезает первобытный коллективизм. Общество тогда становится разнородным, в нем появляется деление на лидеров (патриархов, вождей, жрецов, короче, организаторов) и пассивных исполнителей. Трудовой опыт, ранее неделимый, раздваивается, появляется различие «качественно высшего и низшего», «таинственного» и «обыденного», «духовного» и «телесного», «божественного» и «мирского»¹⁶. Тогда труд отходит в социальных предпочтениях на второй план, идеология уже не может восприниматься как непосредственно связанная с трудом, она «фетишизируется» и оказывается отделенной от своей исходной почвы – труда, социально-трудовых отношений. Такая фетишизация идеологий, происходящая в патриархальных и феодальных обществах, обозначается Богдановым как «авторитарный фетишизм». Другая историческая форма фетишизации идеологий складывается в меновых обществах, в них царит меновая стоимость, норма, оторванная от социально-трудового отношения, «отвлеченная» и «метафизическая». Это мир «товарного фетишизма», в нем социальные отношения людей предстают сквозь призму отношения вещей. Богданов так пишет об этом мире: «Власть товарного фетишизма тяготеет над мыслью людей, как власть рынка над их жизнью. Создается абстрактный идеологический мир, мир безличных норм и

безжизненных понятий, оторванных от своего трудового содержания»¹⁷. Отвлеченность, абстракция воцаряется тогда в мире идей, норм и самого знания.

Знание наиболее тесно связано с трудовым процессом, и его трудно оторвать от него, но и оно испытывает коренные превращения в духе господствующей в данную эпоху формы фетишизма. Богданов прослеживает исторические изменения центрального для сферы познания понятия причинности: авторитарная причинность патриархальных и феодальных обществ, метафизическая – рыночных и особая, прогнозируемая им для коллективистских обществ форма причинности. В авторитарных обществах причинный ряд всегда доходит до высшего авторитета, который и оказывается силой, распространяющей свое влияние на весь человеческий и природный мир. Такое понимание причинности проступает в первобытном анимизме, где каждая вещь наделяется душой, которая отличается от самой вещи своей организаторской функцией. Душа – это организующая инстанция. Цепь причин в природных явлениях всегда продолжается до одушевленной причины, в конечном счете до божества, принимающего ту или иную форму, которая и является фетишем: «За фетишем первопричины и ближайшими подчиненными ему фетишами второстепенных богов и т. п., скрывается от мышления людей живое единство коллективно-творческой жизни, ее единство в труде и познании»¹⁸.

В мире товарных отношений причина выступает как некая абстракция, как сама по себе существующая «объективная» и «вечная истина»¹⁹. Свойственную таким обществам модель причинности Богданов называл, как уже сказано, метафизической и обозначал ее еще как «необходимость», которая распространяется на все сферы человеческого опыта. «Необходимость» – *ведет* цепь причин-следствий, неуклонная и неотвратимая; она стоит за явлениями и *господствует* над ними, но не как свободная воля, а как железный закон. Этот серый, холодный фетиш, может быть, самый мрачный из всех, какие создавала история»²⁰.

Заключительным аккордом в трактовке Богдановым исторических форм причинности является доказательство им наступающего восстановления главенства социально-трудовых отношений в обществе, означающего падение фетишизма и формирование новых идеологий и нового характера общественных отношений,

что Богданов обозначает как социализм или, как он предпочитал говорить, «коллективизм». Поскольку развитие фетишизма было связано с дроблением коллектива, его бытия и идеологии, самого человека, то преодоление фетишизма, как следует из рассуждений Богданова, должно было совершиться на почве нового сплочения коллектива, его воссоединения из раздробленности. Он дает подробный анализ этого процесса, как он мог его наблюдать в период своей жизни на рубеже XIX и XX вв., причем связывал он анализируемый процесс прежде всего с изменением трудовых функций рабочих в условиях машинного производства. Он писал, что если первичное дробление человека и коллектива выглядело как разделение организаторских и исполнительских функций, то в условиях машинного производства рабочий соединяет указанные функции (чисто исполнительские функции выполняет теперь машина). Собирацию человека и упрочению трудового коллектива способствует создание политических и профсоюзных организаций пролетариев. Во главу угла ставится, таким образом, коллективизм пролетариата.

Любопытно, что, говоря о коллективистском устройстве общества, Богданов проводит параллель между ним и авторитарным устройством. Если общество товарного фетишизма он безоговорочно отрицает, то авторитарный тип управления кажется ему «стройно-организованным», целостным и гармоничным, хотя и резко отличающимся от организованности, которую несет миру промышленный пролетариат. Последняя основана на принципе равенства в противовес иерархии авторитарных обществ. Он пишет: «Товарищеская связь, которая составляет специфическую форму пролетарского коллективизма, заключает в себе нечто общее. Это общее – *организованность* (курсив А.Богданова)»²¹. Она заключается в том, что все вместе принимают решение, которое затем каждый выполняет. То есть каждый и организатор, и исполнитель, выделение персонального организатора из коллектива осуществляется при необходимости и имеет временный характер. Таким образом, можно констатировать, что Богданов выводит перспективу социализма не из перемены в отношениях собственности, а непосредственно из особого характера организации труда. Это имеет существенное значение для трактовки социального проекта, о чем речь будет ниже. Здесь же нужно еще остановиться на вопросе о

том, какие изменения испытывают и будут в дальнейшем испытывать мыслительные формы (нормы и познание) под влиянием пролетарского коллективизма.

В отличие, например, от авторитаризма, над которым довлеет дуализм «власти» и «подчинения», в коллективистском мире означенный дуализм исчезает, практика приобретает «монистический» характер, а власть и подчинение оказываются взаимно сочетающимися элементами трудового опыта. Принципы морали, права, как и философия, наука оказываются непосредственно связанными с коллективной практикой. Соответственно истина в глазах пролетариата утрачивает свой абсолютный и метафизический характер и раскрывается как орудие в классовой борьбе тех или иных сил: «Смысл истины – изменение мира согласно потребностям и задачам ее коллективного субъекта»²². Меняется понимание причинности: причина не есть высшая инстанция по отношению к следствию, как то было в авторитарном мире, и не является абстрактной необходимостью, как это было в мире товарного фетишизма, она выражает связь вещей в коллективном трудовом процессе. Причина и следствие тут «однородны», «равны» между собой, выражая просто «две стадии одного и того же процесса»²³.

В «Науке об общественном сознании» (опубликовано в издании «Познание с исторической точки зрения») Богданов дополняет характеристику новой причинности: она-де выражение «самого общего метода машинной техники»²⁴, суть которого – превращение энергии одного типа в энергию другого типа, «цепь причинности есть цепь превращений энергии»²⁵. Причем речь у Богданова идет не о превращениях энергии в природе, а о тех, которые присущи трудовой практике людей. Новая причинность, таким образом, выражает закономерность «коллективно-трудового господства над природой»²⁶.

В этой связи Богданов высказывает важный для трактовки социализма тезис о том, что новое, пролетарское мышление должно возникнуть раньше, чем будет создан коллективистский мир: «Классовое самосознание пролетариата есть его идеологическая революция, предшествующая общей социальной»²⁷. Эта мысль привела его к отрицанию как ленинской, так и плехановской стратегии революции в 1917 г., хотя его политический разрыв с Лениным и большевиками произошел ранее, в десятилетия прошлого

века. Богданов выдвинул на первый план в социалистическом проекте культурную революцию, тогда как у Ленина первостепенное значение отводилось захвату политической власти пролетариатом и затем преобразованию в формах собственности.

Выше речь шла о том, что на стадии машинного производства наука, познание вообще оказываются непосредственно связаны с коллективным трудом, и о том, что носителем этой неразрывной связи выступал пролетариат. Богданов высоко ценил достижения «нового позитивизма» (эмпириокритицизма), содержащуюся в нем мысль о связи познания и человеческого опыта, но, как уже отмечалось ранее, проводил глубокое отличие от него своего эмпириомонизма. В частности, он критиковал Э.Маха и Р.Авенариуса за то, что опыт у них взят «вообще» или как пассивный индивидуальный, сам он исходил из идеи активного коллективного опыта человечества. Наша точка зрения, как ее сформулировал А.Лабриола, писал Богданов, заключается в том, что «опыт есть труд, и труд есть опыт»²⁸. Понятия труда, науки, пролетарского социализма завязаны у Богданова в тугой узел. Он использовал термин «научный социализм», которым ортодоксальные последователи Маркса и Энгельса типа К.Каутского или Г.В.Плеханова обозначали свое учение, но смысл этого термина у него глубоко отличен от его смысла в ортодоксальном марксизме. Представители последнего считали социализм научным, поскольку он следует по пути, указанному марксистской теорией формаций: социализм как последнее звено исторической пятичленки, намеченной Марксом. Богданов понимал под «научным социализмом» иное, хотя теория формаций им в определенной степени воспроизводится. Но главным моментом его теории «научного социализма» является тезис о том, что, во-первых, наука, особенно техническая, служит главным фактором воспитания социалистического пролетариата, и, во-вторых, сама наука исторически развивается под влиянием пролетарского труда. Труд и наука оказываются тесно связаны друг с другом.

Идеи о взаимосвязях между науками и пролетарским трудом повторяются не раз в работах Богданова. Не является исключением его «Наука об общественном сознании», где речь идет прежде всего о преобразованиях в общественных науках и главной фигурой при этом выступает К.Маркс. Имеется в виду, что он предложил новую концепцию истории, положив в ее основу сме-

ну способов производства. С этой точки зрения он переработал политическую экономию, подвергнув критике господствовавший в ней товарный фетишизм и положив в ее основу трудовую теорию стоимости, которая при ее развитии вела к неотвратимому выводу о грядущей гибели капитализма и победе коллективистского строя. Благодаря Марксу началось преобразование общественных наук на основе идей о приоритете в обществе труда и о единстве человеческого опыта. Оно опередило преобразование прочих наук, так как в общественных было особенно нужно: «Предмет этих наук – *организация людей*, и понятно, что в том виде, как они были выработаны старыми классами, они не могли служить для организации нового класса, коллективистского (курсив А.Богданова)»²⁹.

Конечно, Богданов имел в виду общественные науки социалистической направленности, но он, как уже сказано, не абсолютизировал марксистские тезисы. Здесь это можно показать на примере его экономических работ. Так, он исправил ошибочное, с его точки зрения, положение Маркса, который считал производительным в обществе только физический труд, создающий материальные блага. Богданов признает таковым любой труд, физический и духовный, который нужен общественному производству, в том числе труд организаторов последнего. Об этом речь идет в «Курсе политической экономии», написанном Богдановым совместно с И.Степановым. Там эта точка зрения обосновывается философски ссылкой на то, что позиция единства организованного опыта исключает противопоставление «материального» и «духовного» труда. Можно прочитать следующее: «Но насколько неправильно при учете труда разъединять “интеллектуальный” и “материальный” момент в работе отдельного лица, настолько же неправильно разделять их целой пропастью, когда они выполняются различными людьми в одной экономической системе»³⁰.

«Краткий курс экономической науки» Богданова, переработанный и дополненный Ш.М.Двойлацким (М., 1923), выдержан в более традиционном марксистском духе. Хотя в нем признается, что организаторы производства имеют право на заработок, но в целом речь идет о том, что прибыль капиталистов создается трудом рабочих, проистекает из их неоплаченного труда, достигающегося капиталистам как эксплуататорам.

Маркс, исходя из своего толкования сути капитализма, делал упор в доказательстве неизбежности социализма на факте эксплуатации рабочих капиталистами и ее неотвратимой ликвидации в ходе классовой борьбы. Богданов тоже говорил об эксплуатации рабочих, но делал акцент на экономической анархии, царящей в капиталистических обществах, и трактовал социализм прежде всего как общество с сознательной и планомерной организацией во всех его сферах. В «Кратком курсе экономической науки» дано такое итоговое определение социализма: это-де «высшая мыслимая для нас ступень власти над природой, организованности, социальности, свободы, прогрессивности...»³¹. Безусловно, Богданов разделял идею Маркса о социализме как бесклассовом обществе, но идея организованности социального опыта стоит у него на первом месте.

Несмотря на высокую оценку вклада Маркса в преобразование общественных наук, невозможно позиционировать Богданова в этом, как и в других вопросах, как ортодоксального марксиста. И дело не только в расхождениях его с Марксом по отдельным, хотя и важным, проблемам политической экономии, речь еще должна идти как минимум о двух крупных отличиях богдановского науковедения от марксистского. Во-первых, как уже отмечалось выше, Богданов смотрел на науку как на «орудие *организации* общества, производства, классов и вообще всяких общественных сил и элементов, орудие, без которого эта организация невозможна (курсив А.Богданова)»³². Организационный момент присутствовал в науках и с точки зрения Маркса (теория коммунизма как руководства к действию), но он был приглушен идеей об общественном сознании как «надстройке» над общественным бытием, тогда как в активистских теориях Богданова придана более заостренная форма организующему свойству наук, их самостоятельности и творческой мощи. Во-вторых, и об этом речь тоже шла, Богданов связывал идеологию, в том числе науку, напрямую с производством, тогда как у Маркса эта связь опосредована способом производства, отношениями собственности, экономикой.

Особенность богдановского науковедения состояла также в том, что он считал неизбежной переработку с социалистической точки зрения не только общественных, но и естественных, и технических наук. Сказанное означает, что можно в целом согласить-

ся с мнением Г.Д.Гловели и Н.К.Фигуровской, высказанным ими в «Предисловии» к «Вопросам социализма» А.А.Богданова, о том, что Богданов тяготел к «естественнонаучному» обоснованию социализма. Этим они уловили яркую особенность социализма по Богданову, хотя надо еще прибавить к этому большую работу, проведенную им в общественном знании и в области пролетарской культуры, создание которой он оценивал и как путь к социализму, и как его идеал. Единение социализма и науки, по Богданову, отнюдь не означало, что следует выносить приговор наукам, достаточно ли они, например, материалистичны и диалектичны, как то было в советском марксизме. Речь шла о другом – о выработке единых принципов человеческого знания, о сближении научных методов разных дисциплин. Это своего рода социализация в сфере науки, поскольку все они служат одной цели – организации единства человеческого опыта. Сейчас, пишет Богданов, объединительные начала в науке пробиваются стихийно, но при коллективизме единение наук будет осуществляться сознательно и планомерно: «Когда все науки понимаются как организационные орудия единого социально-трудового процесса, который необходимо организовать стройно и целостно, тогда вполне сознательно ставится задача свести эти орудия к стройному и целостному единству, задача выработки общих методов и точек зрения, связывающих все научные специальности»³³. Наука, многократно повторяет Богданов, должна стать «монистической». Мысль эта оказалась плодотворной, завершившись в истории науки в конечном счете созданием кибернетики, предчувствием которой была мысль Богданова о необходимости создания «всеобщей организационной науки». Хотя надо отметить, что специализация научных исследований, против засилья которой он выступал, столь же важна для наук, как и обобщение научных методов. Тем не менее в богдановском коллективистском проекте преобладал акцент на единение, коллективизм, как писал он, на это «*сознательно организованное объединение всех сил человечества для борьбы с природой, для бесконечного развития власти труда над ней (курсив А.Богданова)*»³⁴.

Идеи единения науки, обобщения научных методов кажутся вполне respectable позицией, которая сыграла и, может быть, еще сыграет положительную роль в истории знания. Но когда те же принципы применяются к истории искусства, права, нравствен-

ности, они утрачивают свою научную беспристрастность и оборачиваются революционной нетерпимостью и жестокостью в отношении индивидов и индивидуальных свобод. Это как бы обратная сторона теорий Богданова, которая не слишком заметна в его рассуждениях об истории и перспективах науки. Когда он говорит о настоящем и будущем искусства, то подчеркивает, что главным героем в произведениях социалистического искусства будет не индивид, а коллектив, сначала классовый, потом общечеловеческий, взятый в его противостоянии природе. Но главными сферами, где проявился его антитрадиционализм и антигуманизм, были право и нравственность. Он предсказывал, что взамен старых морали и права выработаются новые нормы – «нормы товарищеской солидарности, подобные по значению нравственным; уставы организаций, аналогичные праву, законам»³⁵. Тут же он поясняет, что это, собственно, уже не нравственность и не право, а нормы целесообразности: «Социальные нормы будут пониматься просто как нормы *организационной целесообразности*, наподобие технических правил, которые суть правила технической целесообразности или научных положений (курсив А.Богданова)»³⁶. Они поначалу будут принудительными, хотя уклоняющимися от них предстанут уже не враждебные социальные силы, а отдельные индивиды, неспособные усвоить правила техники или науки. Богданов предсказал даже перспективу использования психиатрических лечебниц как исправительных учреждений, где будут перевоспитываться лица, неспособные жить по правилам целесообразности.

Вопрос о взаимопереплетении науки, производства и социализма интересно раскрывается в главном научном труде Богданова «Тектология», опубликованном впервые в десятые годы XX в. В советский период он подвергался резкой критике, в основе которой лежали оценки, принадлежащие В.И.Ленину. Он обвинял Богданова в том, что тот хотел соединить марксизм с махизмом, имея в виду его более раннюю работу «Философию живого опыта». «Тектологию» он не читал, хотя тем не менее считал ее идентичной прежним философским текстам Богданова, отмеченным влиянием эмпириокритицизма. Эти оценки повторяли хулители «Тектологии» советского периода. Поклонники Богданова, в малом количестве появившиеся в поздний советский период и годы перестройки, заняли иную позицию: «Тектология – это наука, которая не имеет отношения к

философии, более того, она делает неизбежным отмирание всякой философии. Богданов ценил те философские системы, авторы которых стремились доказать единство человеческого опыта: это Гегель, Маркс, Спенсер с его «универсально-эволюционными схемами». Но никто из них, по его мнению, не достиг искомой цели и не мог ее достигнуть, так как философия вращается в сфере теории, тогда как цель тектологии – охватить всю совокупность человеческого опыта. Она, таким образом, смотрит дальше и шире любой философии, ее появление может означать начало отмирания последней. Собственно, сторонники Богданова повторяли мысли его самого о соотношении тектологии и философии. В «Тектологии», в «Очерках об организационной науке» он говорил о том, что тектология по мере ее развития сделает философию «излишней». Стремясь к установлению единства организационного опыта, она превосходит философию по своей «универсальности», поскольку философия вращается в сфере теории, а тектология воспринимает теорию и практику в их нераздельности. По этой причине он утверждал, что то ценное с тектологической точки зрения, что было в предшествующей философии (марксистская идея о зависимости идеологических форм от производства и др.), займет свое место в тектологии, а остальная философия станет ненужной. Тут напрашивается возражение, что если идеальное и материальное, психические и физические структуры подчиняются единому организационному принципу, то это не снимает вопроса об их субстанциальных различиях, о множественности форм бытия.

Оставим в стороне спорную идею о грядущем отмирании философии и постараемся вникнуть в богдановское решение вопроса о связи науки и социализма в «Тектологии». С позиций сегодняшнего времени можно заметить, что те и другие названные интерпретаторы богдановских теорий имели определенную степень правоты. Так, тектология поистине представляет науку, но нельзя сказать, чтобы она не имела и определенной философской составляющей. И можно с достаточной степенью уверенности сказать, что у нее были определенные философские предпосылки из числа тех, что ранее сформулированы в его эмпириомонизме. Последний представлял собой социалистически ориентированный позитивизм, в истории науки это не редкость, стоит вспомнить хотя бы социалистически окрашенный позитивизм О.Конта.

Что же касается научного содержания тектологии, то его сущность хорошо передает, например, известная цитата из второго тома названной работы: «Структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин, и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим. Более того, отношения количественные я рассматриваю как особый тип структурных и самую математику – как раньше развившуюся, в силу особых причин, ветвь всеобщей организационной науки: этим объясняется гигантская практическая сила математики как орудия организации жизни»³⁷. Богданов хотел создать науку об организации всех явлений, неорганических, органических, социальных. В этом плане тектология чужда философии и морали: «Тектология столь же чужда всякой морали, как ее ближайшая родственница – математика или как любая из естественных наук: соотношение частей машины или связь химических тел для нее лежат в одном ряду исследования с моральными и неморальными отношениями людей»³⁸. Она направлена на изучение всех видов человеческой деятельности – технической, познавательной, художественной – как форм организации человеческого опыта: «В общем, весь процесс борьбы человека с природой, подчинения и эксплуатации стихийных ее сил есть не что иное, как процесс *организации мира* для человека, в интересах его жизни и развития. Таков объективный смысл человеческого труда (курсив А.Богданова)»³⁹.

Богданов выдвинул вперед задачу единой организации всего человечества, и в этом тоже видна его социалистическая ориентация. Эту задачу-де поставила сама история, первая мировая война, которая продемонстрировала губительные следствия анархии социальных сил и интересов. Богданов ставил вопрос о всеобщей организации человечества на социалистический, а не империалистический лад, он видел мир как целое, организованное на основе всеобщего труда. Тогда многие социалисты и даже либералы (Л. фон Мизес) отождествляли социализм и организованное общество, социализм и план. Богданов примкнул к таким авторам, но отличался от них признанием необходимости всемирной организации человечества. Живя в обществе с разделением труда, он говорил, что в нем можно ставить лишь частичные организационные цели, что

в нем действуют мощные дезорганизационные процессы (войны, экономические кризисы). Поэтому возникает задача представить организационные задачи «не как специализированные и частные, а как интегральные»⁴⁰. Богданов констатировал, что это уже происходит стихийно: растут масштабы предприятий, укрепляются политические, культурные и иные организации различных классов, которые часто выходят за национальные рамки и становятся международными. Но в деле интеграции человеческого опыта он, как уже было отмечено, ориентировался не на финансово-промышленный капитал, не на усилия государств, а на всемирную организацию рабочего класса, что объяснялось тогдашними условиями растущего рабочего движения. Таким образом, «Тектология» содержала четкие социалистические ходы мысли, которые можно рассматривать и как ее основы, и как следствия.

Выше не раз говорилось о том, что вопросы науки и социализма у Богданова связаны очень тесно. В заключение остановимся подробнее на характеристиках богдановского социализма и на его отличиях от других направлений социализма. В этом плане интересна прежде всего его трактовка человека будущего коммунистического общества. Богданов отвергает «метафизические» определения человека, в которых последний трактуется через «разум», «нравственную свободу», через стремление к «абсолюту». Таким образом, он отбрасывает все новации в этом плане философии Нового времени. Он отвергал также возможность характеризовать человека с позиций специальных наук – физиологии, психологии, социологии, так как они-де дают «частичный» образ человека. Сам он стремился составить образ человека будущего как существа «целостного» и формирующегося не частными науками, а наукой всеобъемлющей, которая заключает в себе весь многообразный опыт человечества.

Богданов рисует исторические стадии развития человека в указанном направлении: в первобытном обществе человек был целостным и все люди были однородны, владели одним опытом, но он был мал и беден; при переходе к авторитарным обществам исчезает прежняя однородность, появляется деление на «организаторов» и «исполнителей» и жесткая иерархия, что означало приход «дробления» человека и мира; оно продолжилось в меновых обществах, где царил индивидуализм и росла специализация про-

изводств и наук. Обратный процесс «собирания» человека начался с тех пор, как развилось машинное производство и труд рабочих приобрел однородный характер, что еще усилилось в условиях автоматизации. Тогда шли одновременно два процесса – движение наук в сторону монизма и превращение «человека-дробь в человека целого»⁴¹. Э.Дюркгейм, который писал свои работы не-намного ранее Богданова, считал специализацию наук знаменем времени и бился над вопросом о том, как можно учредить в обществе утраченную солидарность. Он склонялся к тому, чтобы возложить эту задачу на профсоюзы. Богданов, который жил весь в будущем, считал, что на переломе XIX–XX вв. специализация наук, производств, индивидов изживает себя и должна уступить место всеобщему единству. Возникает мир «однородных» и поэтому «равных» друг другу людей. У Маркса равенство членов общества мыслилось как результат их одинакового отношения к собственности (общественная собственность). У Богданова равенство устанавливается в связи с изживанием специализации труда и наук и развитием их монизма. Свои размышления на этот счет он заканчивает пафосным утверждением: «Но если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: *Человек еще не пришел*, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте (курсив А.Богданова)»⁴². Можно сказать, что Богданов здесь сформулировал задачу, над реализацией которой не всегда безуспешно трудились советские руководители. Такие тенденции были и в политике нацистов, хотя они связывали появление нового человека с подъемом грубой силы в обществе, а не с монизмом науки, как Богданов. Дело объясняется, видимо, характером эпохи (конец XIX – начало XX вв.), когда назревали во многих обществах социальные переломы, что давало ощущение наступления нового мира и созревания нового человека.

Те же рискованные аналогии можно проследить, вникая в рассуждения Богданова о праве, законе, нравственности. Он характеризует их как принудительные нормы, которые неизбежно возникают в анархических (основанных на обмене) обществах с целью регулирования противоречий между людьми. Нравственность, как и закон, и право, имеет «внешнепринудительный» характер, это не внутренний закон человеческой личности (Кант), а обществен-

ная норма, нравственность вместе с законом и правом составляют «*организующие приспособления для общественной жизни людей* (курсив А.Богданова)»⁴³. Но существование таких норм не спасает общество от внутренних противоречий, последние могут исчезнуть лишь в условиях устранения анархии, что возможно только в обществах, где царит повсеместная организация. Тогда исчезнут и принудительные нормы, а их место займут «нормы целесообразности»⁴⁴, о чем уже говорилось выше. Царство организованности – «это общество, в котором взаимные отношения людей, так же как их отношение к природе и обществу, определяется нормами целесообразности»⁴⁵. Такую ситуацию Богданов считает «идеалом», который доступен взгляду современного человека. Образцом такого идеального состояния общества он считал внутренние отношения «товарищеского кружка», где распределение обязанностей регулируется не принудительными нормами, а диктуется целесообразностью в интересах общего дела. Он думал, что распространение товарищеских отношений на все общество станет возможно, если люди поставят себе общую цель, которая превосходит личные интересы каждого из них. Собственно такие ситуации в истории не редкость: религиозные общины, разного рода объединения на духовной основе, националистические движения и др. вызывают к жизни стремление действовать по законам целесообразности. Но человеческое братство в движении к общей цели не бывает длительным, по прошествии определенного времени оно уступает место организационным структурам с принудительными нормами. Над этой проблемой вырождения начального братства в «Братство-террор» тщетно бился Ж.-П.Сартр. Но Богданов свято верил, что поведение людей по законам целесообразности в интересах общего дела составляет высший тип человеческих отношений и что это снимает властную иерархию в обществе и утверждает господство науки или организаторов, в свою очередь опирающихся на указания науки.

При коллективизме, по Богданову, власть должна иметь централизованный характер, но она не будет «бюрократически-авторитарной», тут нет подчинения, которого добиваются разными формами насилия. Он не раз повторяет, что уже классовая организация пролетариата демонстрирует иной принцип централизации: центр выясняет и осуществляет волю коллектива, но не управля-

ет им. Это «товарищеская форма централизации», где правит не верховная инстанция, а научная статистика. Очень определенно об этом говорится в «Курсе политической экономии», изданном Богдановым совместно с И.Степановым. Они пишут: «В своем целом система сотрудничества при коллективизме представляется вполне централизованной, но не в том бюрократически-авторитарном смысле, какой обычно придается теперь этому слову. Сознательная и планомерная организация производства не может быть иной, чем централистической; но при однородном, товарищеском сотрудничестве центральное объединение не основывается на власти»⁴⁶. Круг задач, которые решает «товарищеская форма централизации», определен статистическими показателями; обращение к статистике при описании функционирования общества будущего у социалистов частое явление, начиная с П.- Ж. Прудона.

Оригинальность Богданова как социалиста и ученого состояла в том, что он настаивал на полной переработке существующих наук и замене их новой всеобъемлющей наукой. Для этого надо побороть специализацию: «Выработка социального знания должна поэтому стремиться к упрощению и к объединению науки, к отысканию тех общих ее способов исследования, которые бы давали ключ к самым различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими, – как рабочий машинного производства, зная по опыту общие черты и общие приемы его техники, может сравнительно легко переходить от одной специальности к другой»⁴⁷. То есть невозможен переход к социализму без создания «всеобщей организационной науки». А это процесс длительный, составляющий главный момент в формировании пролетарской культуры.

Без ее появления Богданов не мыслил перехода к социализму, поэтому он критически относился к тем российским социалистам, которые считали социализм делом «завтрашнего» дня. Такие настроения усилились во время первой мировой войны, когда Россия испытывала большие хозяйственные и политические трудности. Богданов вскрыл необоснованность таких настроений. Причина их, с его точки зрения, в том, что принимают в расчет лишь экономические кризисы и, отталкиваясь от этого, заявляют о неизбежном и скором приходе социализма. Но кроме экономики тут важна техника, отношение людей к природе, вся сумма методов борьбы с ней. Причем в прогнозировании социализма техническая сторона

дела важнее экономической. Однако трудность состоит в том, что современные науки буржуазны, это относится даже к математике и физике, чего никогда не поймут люди, упирающиеся на экономические трудности капитализма и надеющиеся в результате на скорую победу социализма. Для Богданова главное при переходе к нему заключалось в том, чтобы переработать науки в духе монизма и трудового коллективизма. Проекты же насчет победы социализма «завтра» – «либо беспочвенные «мечты», не вызывающие отклика у масс, либо программа «авантюры, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям. Ее исход был бы с самого начала предрешен неравенством как материальных, так и культурных сил двух сторон, глубокой неподготовленностью одной из них к поставленной задаче. Естественным концом авантюры явилось бы длительное царство Железной Пяты»⁴⁸. В реальности все произошло немного не так: «мечта» о социализме вызвала поддержку масс, и в октябре 1917 г. социалисты оказались у власти в России, но в ходе ее развития сам социализм превратился в царство «Железной Пяты».

Богданов резко возражал против мнения, присущего в большой степени Ленину, что меры государственного регулирования экономики, принятые во время первой мировой войны в Германии, могут служить преддверием социалистической революции. Богданову казалось, что такие рассуждения пропитаны экономизмом, что для него было неприемлемо. К тому же проведенные в Германии меры имели своей целью нормировать на несколько лет войны «процесс расточения производительных сил общества»⁴⁹. Это никак не похоже на социалистическую организацию хозяйства, на то, чтобы «планомерно организовывать на неопределенное будущее и в мировом масштабе процесс производства в прогрессивном развитии его сил»⁵⁰. Ближайшая задача пролетариата – не осуществление социалистического переворота ввиду экономических возможностей, а выработка собственной программы культуры, включающей «... *полный пересмотр всего наличного культурного наследства, полученного пролетариатом от старых классов, пересмотр с новой «коллективно-трудовой точки зрения, которая есть вместе с тем научно-организационная (курсив А.Богданова)*»⁵¹. Переработка старой культуры и выработка новой, пролетарской потребует долгого времени, поэтому Богданов писал в статье «Программа культуры»,

возражая известному высказыванию Энгельса, что «...из царства необходимости в царство свободы ведет не скачок, а трудный путь. Но каждый шаг этого пути есть уже завоеванная частица самого царства свободы»⁵².

В этом высказывании содержится оригинальное видение вопроса о соотношении целей и средств, нетипичное для марксистской идейной традиции. Богданов стоит на позиции тождества пути к социализму и самого социализма, он против разделения в революционной практике целей и средств, у него сами цели диктуют средства, а средства уже есть завоеванная цель. Противопоставление целей и средств (цель – свобода, средства – насилие) сыграло роковую роль в истории социалистического движения в России, так как в результате произошло вырождение социалистической революции в тоталитарный государственный режим. Свою идею о соотношении целей и средств, идеала и пути к нему Богданов развивал не раз в текстах о социализме. Например, когда он критиковал Ленина за то, что тот уже в 1917 г. провозгласил курс на социалистическую революцию в России. Богданов был убежден, что социализма в России не может получиться даже при поддержке западных пролетариев. Государственный капитализм, как и государственный социализм не являются путем к социализму, так как путь и идеал не разделены друг с другом, путь уже есть частичное осуществление идеала. Чтобы это понять, надо перестать сводить социализм к революции в собственности или смене хозяина в обществе. В представлении Богданова это «творческая революция мировой культуры», «мировое товарищеское сотрудничество людей, не разъединенных частной собственностью, конкуренцией, эксплуатацией, классово-борьбой, властвующим над природой, сознательно и планомерно творящих свои взаимные отношения и свое царство идей, свою организацию жизни и опыта»⁵³. Когда пролетариат встанет на путь культурного творчества, тогда «исчезнет зияющая пропасть между его идеалом и его классовой деятельностью. Тогда все его движение вперед будет непрерывно развивающейся реализацией социализма как нового мира культуры»⁵⁴. Социализм не может быть похож на «военный коммунизм», к отождествлению которых призывают большевики, мы не согласны на это, пишет Богданов о себе и своих сторонниках: «К счастью для нас, наш социализм прекрасен на всех стадиях своего

исторического воплощения. Он не скрывается под маской вампира, и не надо особых усилий, чтобы узнавать его в его углубляющемся разрыве со старым миром, среди трагической обстановки эпохи»⁵⁵. Изумление вызывают современные научные работы, в которых Богданов предстает как идеолог военного коммунизма, автор идеи о геноциде российского крестьянства, теории которого питали сталинскую политическую практику⁵⁶.

Отказавшись от сотрудничества с большевиками, строившими, по его словам, «социализм казармы», Богданов пишет о себе, что лучше он останется «при деле» настоящего социализма, «как ни утомительно одиночество зрячего среди слепых»⁵⁷. В качестве вывода из всего вышеизложенного можно сказать, что социализм Богданова – это «социализм науки». Она выросла из трудового опыта, глубоко в нем коренится, строится из его элементов. Веками эта связь оставалась скрытой, и наука в результате обросла фетишами, мнимыми вопросами, занялась поисками абсолютного знания и вечных истин. Социализму присуща новая точка зрения на нее: «Наука есть организованный коллективно-трудовой опыт и орудие коллективного труда»⁵⁸. Отсюда следует, что существует прочное единство между интересами пролетариата и возможностями науки. У них общие цели: выяснить законы организации, которые бы охватывали все области опыта, создать всеобщую организационную науку и на этой основе преобразовать общество в социалистическом духе.

Выше были отмечены некоторые общественно-исторические установки Богданова: речь идет о предсказании рождения нового человека на основе отказа от нравственности и права. В текущей политике Богданов проявлял пролетарскую нетерпимость, например, в отношении крестьянства, приветствовал революционную жестокость, оговаривая, однако, что нельзя в этом допускать чрезмерность. И между тем в истории социалистической России он показал себя противником насилия и сторонником действия средствами культурного воспитания пролетариев. Издатели его текстов, вошедших в сборник «Вопросы социализма», приводят интересную цитату из статьи о Богданове в «Литературной энциклопедии» двадцатых годов прошлого века, где его упрекают в том, что он «упорно выдвигал мотивы коллективизма и товарищеского сотрудничества за счет мотивов борьбы <...> в разгар гражданской

борьбы он всячески затушевывал разрушительные и боевые задачи пролетариата, протестовал против чрезмерного сосредоточения на точке зрения социальной борьбы, против сведения искусства к организующей боевой роли, предостерегал пролетарских поэтов от увлечения “солдатской” психологией, ратовал против “жесточких и грубых символов”»⁵⁹. Главной установкой Богданова было не разрушение старых форм, а «новая организация жизни». Он развивал идеал социализма как «прекрасного» общества, как иного по сравнению с современной ему действительностью мира, в котором складываются иная наука и иные, товарищеские отношения между людьми. Богданов оказался у истоков особого направления в социализме, в котором он увязывался с состоянием наук, направления, ставшего особенно заметным в 60–80-е гг. XX в. в Европе.

Указанное направление сформировалось в результате разочарования европейских левых в традиционном социализме, как в его советском варианте, так и в социал-демократии, представители которых прочно увязывали социалистическую перспективу с научно-техническим прогрессом. Между тем на Западе к тому времени уже широко распространилось недовольство прогрессом, так как с ним оказались связаны такие негативные процессы, как две мировые войны, ядерные катастрофы и другие экологические бедствия. Прогресс не привел и к удовлетворительному решению социальных проблем, единственным его позитивным результатом оказался рост материального благосостояния масс, на его основе развилось потребительство, а высокие ценности равенства и свободы так и не были достигнуты. Нетрадиционные левые были наблюдателями информационной революции, вызвавшей крупные изменения в социально-экономических и политических структурах общества, тогда в их среде родились идеи об изменении характера научно-технического прогресса, об альтернативной науке и технике, что могло бы способствовать формированию более гуманного общества.

Нетрадиционные левые сильно отличались от индустриального социалиста Богданова. Он ждал от научно-технического прогресса исчезновения иерархии в обществе и установления равенства – они доказывали, что прогресс не ведет к равенству, а лишь добавляет к иерархам от собственности иерархов от науки и техники, экспертов, которые направляют экономическое и политическое развитие. Идеалом для Богданова был коллектив, построенный на

принципе товарищества – нетрадиционалы больше заботятся об индивидуальных правах и свободах. Богданов выступал от лица труда – нетрадиционалы более широко смотрят на социальные антагонизмы, выступают в защиту всей социальной периферии от диктата экономических и политических центров. Сближает их с Богдановым требование новой науки, способствующей созданию лучшего общества; как и он, они хотят того, чтобы центр не господствовал над периферией (по Богданову, над трудовым коллективом), а служил для претворения в жизнь стремлений общественных низов. И Богданов, и нетрадиционалы убеждены, что наука, техника, производство не нейтральны в отношении общественных структур, что они способны преобразовать общественную жизнь.

А.А.Богданов развивал очень своеобразную для своего времени точку зрения на социализм. Он оказался по сути противником всех существовавших в России, да и в Европе течений социализма, и лишь в конце XX в, как только что было сказано, появились нетрадиционные левые, которые развивают идеи, сходные с богдановскими. Главное тут то, что он связывал социализм в первую очередь не с отношениями собственности, а с переменами в технике, в производстве, в науке. Это сразу ставит его вне марксизма, хотя Богданов высоко ценил Маркса, особенно его идею о приоритете производства в развитии общества. Богданов был яростным противником диалектического материализма (Плеханова, Ленина), отстаивая точку зрения о явленности природы человеку через социально-организованный опыт. Его мировоззрение пронизано активизмом, что выразилось, в частности, в идее о том, что идеологическая революция должна предшествовать социальной. Его научный труд – «Тектология» – имеет значимость и для социализма, Богданов развил в нем идею единой организации человечества, организованного мира, в основе которого должна лежать всеобщая организационная наука и коллективный труд. Богданов не принимал участия в октябрьской революции 1917 года и отказался считать социализмом практику «военного коммунизма», насаждавшуюся большевиками. Он не верил в то, что средствами насилия можно добиться социалистической цели. Он верил в «прекрасный» социализм, в котором цели и средства тождественны друг другу.

Примечания

- 1 Поэтому вряд ли можно согласиться с оценкой Богданова как «творческого марксиста», которую дают Жукоцкий В.Д. и Жукоцкая З.Р. в статье «”Эмпириомонистический” марксизм А.А.Богданова: проблема идеологии» // *Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р.* Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М., 2008. Богданов слишком критичен не только в отношении «догматических марксистов», но и самого Маркса даже в работах «эмпириомонистического» периода, не говоря уже о более поздних. Его исследования никак не укладываются в рамки «праксеологических» идей Маркса.
- 2 *Богданов А.А.* Философия живого опыта. М., 2010. С. 212.
- 3 Там же. С. 239.
- 4 См.: «Вера и наука» (По поводу книги В.Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Падение великого фетишизма. М., 2010.
- 5 *Богданов А.А.* Философия живого опыта. С. 241.
- 6 Там же. С. 255.
- 7 Там же. С. 215.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 216.
- 10 Там же. С. 220.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 218.
- 13 Там же. С. 221.
- 14 Там же. С. 255.
- 15 Цитируется по вводной статье Носковой О.Г. к книге «Познание с исторической точки зрения». Москва– Воронеж, 1999. С. 15.
- 16 См.: *Богданов А.А.* Падение великого фетишизма. М., 2010. С. 35.
- 17 Там же. С. 45.
- 18 Там же. С. 69.
- 19 Там же. С. 71.
- 20 Там же. С. 77.
- 21 Там же. С. 100.
- 22 Там же. С. 109.
- 23 Там же. С. 111–112.
- 24 *Богданов А.А.* Наука об общественном сознании // Познание с исторической точки зрения. С. 457.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 460.
- 27 Там же. С. 114.
- 28 Цитируется по: *Богданов А.А.* Падение великого фетишизма. С. 125.
- 29 *Богданов А.А.* Наука об общественном сознании // Познание с исторической точки зрения. С. 462.
- 30 *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. Т. 11. Вып. IV. М.–Пг., 1918. С. 12.
- 31 *Богданов А.А.* Краткий курс экономической науки. С. 520.

- 32 *Богданов А.А.* Познание с исторической точки зрения. С. 263.
33 Там же. С. 464.
34 Там же. С. 470.
35 Там же. С. 467.
36 Там же. С. 468.
37 *Богданов А.А.* Тектология. М., 1989. С. 309.
38 Там же. С. 57.
39 Там же. С. 70.
40 Там же. С. 105.
41 *Богданов А.А.* Вопросы социализма. М., 1990. С. 43.
42 Там же. С. 46.
43 Там же. С. 54.
44 Там же. С. 61.
45 Там же. С. 166.
46 *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономики. С. 194.
47 *Богданов А.А.* Вопросы социализма. С. 102.
48 Там же. С. 315.
49 Там же. С. 319.
50 Там же.
51 Там же. С. 322.
52 Там же. С. 335.
53 Там же. С. 349.
54 Там же. С. 350.
55 Там же.
56 *Алексеев В.В.* Концепция социально-организованного опыта и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920 – середине 1930 годов. Ижевск, 2007.
57 Там же. С. 354.
58 *Богданов А.А.* Вопросы социализма. С. 376.
59 *Богданов А.А.* Комментарии // Вопросы социализма. С. 475.